

Литературныя новости.

(Очерки М. Горькаго, В. Кокосова и Зиновья Пышкова).

Въ майской книжкѣ „Современника“ было помѣщено нѣсколько рассказовъ авторовъ, такъ или иначе связанныхъ съ Нижнимъ-Новгородомъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, нужно поставить нашего славнаго нижегородца Горькаго.

Онъ продолжаетъ писать свои „Жалобы“, полупублицистическое произведение, въ которомъ авторъ старается бросить нѣкоторый свѣтъ на наше современное положеніе.

Нужно признать, что заглавіе для своихъ очерковъ онъ придумалъ чрезвычайно удачно. Теперь дѣйствительно настало время жалобъ.

Недавно мы негодовали, потомъ надѣялись, затѣмъ вознеслись духомъ, а теперь сидимъ надъ разбитымъ корытомъ и уже не негодуемъ, а жалуемся.

И отыскиваемъ причины того, почему это всегда передъ нами только разбитое корыто; и винимъ въ этомъ то интеллигенцію, то народъ, хотя, можетъ быть, разобравши, нужно наказывать обѣ стороны, по рецепту пушкинской канитанши.

Герой очерка Горькаго, отъ имени котораго ведется рассказъ, говоритъ, что причиною нашихъ народныхъ злоключеній является вѣра русскаго народа въ судьбу.

„Русскій народъ выработалъ себѣ, въ процессѣ своей уродливой исторіи, непоколебимое представленіе о нѣкоторой, ничѣмъ неодолимой силѣ, она существуетъ надъ нимъ, она управляетъ всѣми его намѣреніями и дѣлами такъ, какъ ей нужно, а ея намѣренія — непонятны никому, ясно лишь одно — они не имѣютъ въ виду интересовъ людей. Судьба относится къ людямъ жестоко, но — неуязвима, незрима, она непобѣдима и бороться съ нею бесполезно, дерзко, смѣшно“ ...

Въ этомъ, кажется, много справедливаго: русскій народъ дѣйствительно меньше, чѣмъ какой-либо другой, способенъ къ активному устройству своей жизни и живетъ, точно повинаясь какой-то, стоящей внѣ его, судьбѣ.

Характерно, что такое мнѣніе о русскомъ народѣ высказываетъ въ очеркѣ Горькаго жандармскій офицеръ въ разговорѣ съ радикаломъ. Характерно это, какъ проявленіе усталости отъ борьбы, сознаніе того, что всѣ люди, и что между всѣми можетъ быть общая почва, связь, о которой люди забываютъ въ пылу борьбы.

Герой рассказа говоритъ, что при встрѣчѣ съ жандармомъ на общей человѣческой почвѣ, какъ съ человѣкомъ, а не съ жандармомъ, онъ сталъ сознавать нелѣпость враждебнаго раздѣленія людей вслѣдствіе общественныхъ условій. Онъ вдругъ почувствовалъ „приливъ отвращенія къ жизни, взрывъ почти дикой звѣриной злости на эти „условія“, которыя мучаютъ, терзаютъ людей и ставятъ ихъ врагами другъ противъ друга, непримиримыми врагами“.

„Истерзанные, въ крови, съ изломанными костями, съ разбитой, ноющей душою, эти люди разныхъ мундировъ тратятъ всю жизнь, всѣ лучшія силы души, весь умъ и знаніе на борьбу другъ съ другомъ — необходимую, ахъ, да, я понимаю! Но развѣ она менѣе отвратительна, менѣе унижаетъ насъ оттого, что необходима?“

Къ сожалѣнію, это интересное начало очерка портится продолженіемъ, е которомъ можно сказать, что оно „изъ другой оперы“, — и очень сомнительно, чтобы изъ оперы реальной.

Уставшими оказываются у насъ только люди пожилые, образованные, съ хорошими средствами, тогда какъ люди изъ демократической массы полны энергіи, учатся, стремятся, мечтаютъ, потому что для нихъ новы „всѣ впечатлѣнія бытія“. И авторъ (отъ лица героя) рассказываетъ исторію разочарованнаго адвоката.

Адвокату этому уже ничто не интересно, ко всему онъ относится скептически, тогда какъ его горничная, къ которой приходятъ фельдшерица и секретарь какого-то рабочаго союза, вмѣстѣ читаютъ, учатся, разсуждаютъ, полны стремленій и жизни и невольно относятся къ адвокату отрицательно, какъ къ лишнему человѣку.

И получается невѣрная перспектива. Бѣда въ томъ, что теперь у насъ не отдѣльные „лишніе люди“, а устала, извѣрилась вся масса народная, и только отдѣльные люди стараются, чтобы совсѣмъ не потухло пламя.

Недавно въ газетахъ отмѣчался такой маленькій, но интересный фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эпоху первой Думы, деревенскіе мальчишки проѣзжающій поѣздъ встрѣчали криками: „Бросьте газету!“ Теперь они кричатъ уже: „Бросьте папироску“. Въ различіи двухъ этихъ просьбъ — результатъ прожитыхъ нами нѣсколькихъ лѣтъ.

Обращаетъ на себя вниманіе рассказъ: „Палачъ“ г. Кокосова, изображающій выборъ палача среди арестантовъ. Г. Кокосовъ, проживающій въ настоящее время въ Нижнемъ, авторъ очень интересныхъ воспоминаній о Карійской каторгѣ. Въ рассказѣ „Палачъ“ онъ изображаетъ арестантовъ, соблазненныхъ предложеніемъ повѣситься нѣсколькихъ человѣкъ, по 50 рублей съ головы.

Соблазнъ вошелъ въ головы арестантевъ и сталъ мутить ихъ. Жалкіе, изголодавшіеся бѣдняки мечтаютъ о томъ, что они станутъ дѣлать получивъ деньги, и въ душахъ самыхъ разрушенныхъ изъ нихъ такая возможность получить деньги производитъ новое опустошеніе. Нашлось, впрочемъ, только трое охотниковъ. Изъ нихъ одинъ мужикъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за убійство въ пьяной дракѣ, семья котораго въ нуждѣ, и онъ мечтаетъ палачествомъ спастись отъ нужды.

„Спрошу отца духовнаго, предстатель онъ престолу Всевышняго, самъ духовныхъ порядковъ не знаю. Надзиратели виновники... простятъ, безъ злобы руки накладываю: — бѣдность, нужда, пользай съ ребятишками въ петлю“ ...

Рассказъ г. Кокосова написанъ живо, образно, но недостатокъ его въ томъ, что онъ рисуетъ собственно прежнихъ арестантовъ, которыхъ онъ зналъ хорошо, но не теперешнихъ, уже болѣе культурныхъ. Самый языкъ ихъ — это языкъ прежняго времени.

Еще есть въ этой книжкѣ рассказъ нижегородца — г. Зиновія Пышкова: „Страна надеждъ“. Рассказъ этотъ съ большими претензіями, которымъ не соответствуютъ силы автора. И получилось нѣчто очень вычурное и по содержанію, и по языку, такъ что даже и читать непріятно.

О фельетонѣ изъ общественной жизни г. Чирикова не говорю. Такихъ фельетонистовъ имѣетъ въ каждой книжкѣ даннаго журнала.